

Влад Костромин

Крестьянские дети

Влад Костромин
Крестьянские дети

«Издательские решения»

Костромин В.

Крестьянские дети / В. Костромин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960892-5

Рассказ о трагедии, постигшей мою семью. Эта весьма и весьма поучительная история, местами печальная, местами трагичная, местами комичная, местами трагикомичная началась в 1995 году. В практически документальном повествовании мы попытаемся отделить зерна от плевел. Развернем пестрое полотно семейной жизни двух детей, на фоне развала великой страны попавших под власть злой и подлой мачехи, совершенно не ограниченную, плавно нарастающим, ранее скрытым, безумием отца. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-960892-5

© Костромин В.
© Издательские решения

Содержание

Крестьянские дети	6
I	7
II	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Крестьянские дети

Влад Костромин

© Влад Костромин, 2019

ISBN 978-5-4496-0892-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения Автора. За нарушение авторских прав законодательством Российской Федерации предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

Крестьянские дети

*Всякий грамотный человек может написать
одну грамотную книгу – книгу о своем детстве.
Н. Г. Гарин-Михайловский*

Имена некоторых героев изменены. После прочтения сами поймете почему. Географические названия ряда населенных пунктов также изменены, так как «такая же история вполне могла бы произойти и в любом другом районе». Все события, описанные в романе, происходили на самом деле, я ничего не выдумывал, только слегка, самую малость, откорректировал и «пригладил» для лучшего понимания сюжета. И немного сэжал время, чтобы повествование не превращать в явный саспенс.

I

Рассказ о трагедии, постигшей мою семью.

Эта весьма и весьма поучительная история, местами печальная, местами трагичная, местами комичная, местами трагикомичная началась в 1995 году. В практически документальном повествовании мы попытаемся отделить зерна от плевел, людей труда от социальных паразитов. Развернем пестрое полотно семейной жизни двух детей, на фоне развала великой страны, попавших под власть злой и подлой мачехи, совершенно не ограниченную плавно нарастающим ранее скрытым безумием отца. Подлость, вероломство, коварство, злодеяния и сексуальные девиации вкупе с дефинициями будут нашими постоянными спутниками на этом нелегком пути.

Для начала надо вкратце коснуться обстоятельств появления крашеной в блондинку алчной бестии с увесистой задницей в нашей несчастной семье. Будь я буддистом, я даже бы подумал, что сие наказание было ниспослано на нас за грехи, совершенные в предыдущих воплощениях. Особым умом, в отличие от вставных зубов, она не блистала, но была хитрой как змея и такой же мстительной. После ухода матери¹ мы жили себе спокойно втроем (я, наш папаша – Виктор Владимирович и мой младший брат – Пашка) и никого не трогали. Папенька, неистовый аудиофил и мракобес, продав телку², купил музыкальный центр³ и по вечерам в компании бутылки водки, большой кружки вина, пачки сигарет «Прима» и попугая Кеши коротал перед телевизором «Тошиба» вечера.

Между тем, у него настойчиво зудело и свербело в паху от навязчивого желания, переходящего в манию, коитуса хоть с кем-нибудь. Учитывая попытки поддержать репутацию безутешного и заботливого отца двоих детей, предаться блуду в деревне и ближайших окрестностях не мог. В Клиновск для секс-вояжа ехать боялся, так как существовали достаточно тесные связи между заводом, на котором он предпочитал блудить, и нашей деревней, которая была подшефной. Порнографические журналы и газеты, которые прятал в спальне за оружейным сейфом, уже не могли удовлетворить либидо в полной мере. К тому же пронирыливый Пашка, оправдывая еврейскую натуру, умудрился умыкнуть и выгодно сбыть сексуально озабоченным сверстникам больше половины нечестивой литературы.

Понукаемый бесом сладострастия и забыв заповедь Божию, отец нашел себе замену или, выражаясь современным языком, сублимацию. Звонил вечерами по деревенским номерам и если брала женщина или девушка, то измененным голосом говорил пошлости и делал им различные скабрзные предложения. Все это телефонное секс-хулиганство сопровождалось издаваемым им мерзким хихиканьем гиены, выросшей возле могильника токсических отходов.

– Учитесь, олухи, – поучал нас, положив трубку. – Главное, долго не разговаривать, чтобы не вычислили.

– Кто? Милиция? – пугался Пашка.

– Какая милиция? Муж! – громко ржал любящий отец. – Подрастешь, поймешь, недоросль!

– Муж тут при чем?

---

¹ См. рассказ «Праздник к нам приходит».

² Речь идет о молодой самке коровы, а не вовсе о вульгарном названии нынешних самок человека.

³ Фотографии этого «чуда» звуковоспроизведения есть на странице автора ВКонтакте.

– Ну, ты и балбес, Павлик! Я в твоём возрасте уже думал, как бы кому вдуть, а ты ещё элементарных вещей не понимаешь. Надо было не доверять ваше воспитание мамаше, но теперь уже поздно.

– И что делать? – достал свою книжечку брат, приготовившись записывать отцовскую мудрость.

– Что тут сделаешь? – вздохнул отец. – Как тут не крути, а обратно вас, дармоедов, не засунешь.

Не выдержав свалившегося на него вынужденного целибата и не довольствуясь больше телефонной подлостью, одел папенька свою лучшую шапку и рванул в город. Там начальник инструментального цеха и «в одном флаконе» кум Леонид Филиппович познакомил безудержно алчущего плотской любви богатого селянина Витю с бедной горожанкой Наташей, обремененной дочерью жительницей уездного города Смальцо, которая, наповал сраженная его роскошной шапкой, милостиво согласилась поехать в деревню и пожить у нас. Времена были голодные, так что ничего она не теряла, решившись на этот шаг, особенно с учетом того, что великодушный Филиппович, пекущийся о нелегкой судьбе блудливого кума, «закрывал» в цеху часы как будто она продолжала работать.

– Скоро привезу вам новую маму, – хвалился папенька. – Смотрите, не опозорьте батьку! Как говорится, перед лицом мировой общественности и продажной девки империализма.

– А старую маму никак нельзя? – робко поинтересовался Пашка.

– Нет! Умерла, так умерла! – отрезал отец.

Когда Наташа приехала первый раз, то слабовидящий Пашка издала из-за осветленных волос принял ее за двоюродную сестру – Лариску.

– Лариска приехала, – недоуменно сказал он, прибегая из отцовской спальни.

Оттуда брат в окно наблюдал за дорогой в отцовский бинокль, карауля прибытие «новой мамы». «Зоркий орел» Витя частенько пользовался биноклем, чтобы подсматривать за купающимися в озере девушками и женщинами, и чтобы временами озирая просторы подвластной территории.

– Лариска? Чего она будет зимой приезжать?

– Какая Лариска? Где ты там Лариску увидел, крот? – поинтересовался вошедший отец, метко швыряя пышную шапку на лосиные рога. Висели в прихожей, в простенке меж дверями в зал и мою комнату покрытые коричневым лаком рога и папаша любил на них вешать свои головные уборы. – И вообще, растыра, кто тебе бинокль дал? – продолжал допрос, красиво прохаживаясь по прихожей. – Что, кот из дома, мыши в пляс?

– Он там лежал... – начал мямлить застигнутый врасплох Пашка. – На трельяже... Я думал можно...

– Смотри мне, живо в спецшколу загремишь! – погрозил папенька узловатым пальцем. – Брать чужие вещи без спроса нехорошо! Не хватало еще, чтобы ты, хорек косорукий, последний бинокль грохнул. У тебя же мухи в руках целуются, а ну положи на стол! Так, дети, собрались, делайте, как я учил, – похлопал в ладоши. – Быстрее, падлы малолетние! Человек же ждет, мерзнет, пока вы тут как беременные пингвины – раскоряки на льду барахтаетесь. Не май месяц, между прочим, напомним, если календаря сроду в глаза не видели. Нет в вас никакого воспитания! Мамашина школа! Гнилая порода.

Папаша построил нас в прихожей. Мы встречали судьбу, держа испеченную мною ковригу ржаного хлеба с установленной на ней солонкой, оставшейся от матери. Коврига была водружена на пожелтевший от времени, вышитый красными гусями, рушник, тоже оставшийся из материнского приданного.

– Наташа, хватит мерзнуть, заходи, – скомандовал молодящийся жених, приоткрыв дверь на веранду. – А то все придатки себе отморозишь.

В дверь грациозно вошла, вползая в нашу судьбу, одетая в шубу молодая женщина, по правде говоря, осветленными волосами отдаленно похожая на Лариску.

– Мои дети: Влад и Павел. Как говорится, старшОй и младшОй. Дети, это ваша новая мама – тетя Наташа, – похабно подмигнул нам.

– Здравствуйте, тетя Наташа, – как было условлено, дуэтом затагнули мы, – Очень рады вас видеть.

– Какие милые у тебя дети, Витя, – ласково улыбнулась хитроглазая городская змея. – Я тоже очень рада познакомиться. И я не настолько старая чтобы быть тетей. Можете называть меня просто Наташей. Какой у вас хлеб красивый. Сами испекли?

– Угу, – не стал отпираться я. – Сами.

– А вкусный какой, – щедро отломил наманикюренными ногтями кусок и, макнув в соль, отправила в сверкнувший золотыми зубами рот.

– По ма... – отец погрозил из-за спины гостю кулаком, – по бабушкиному рецепту, – поправился я.

– Ну что мы стоим? В ногах правды нет. Давайте покушаем и заодно поближе познакомимся. Я вот тут вам гостинцев привезла.

– От лисички или от белочки? – подал голос Пашка.

– Какой лисички? – недоумевающая гостя повернулась к отцу.

– Не обращай внимания, Наташ. Мать, когда что-нибудь ему приносила, то говорила, что это лисичка передала.

– Или белочка, – исподлобья зыркнув на гостью, подтвердил Пашка.

– Да, не повезло детям с матерью, – вздохнув, вывалила на стол различные немудрые постряпушки, наготовленные ее мамой. – Видать у нее самой «белочка» была.

– Так от кого гостинцы? – не унимался Пашка, жадно рассматривая выставленные на стол из сумки кульки и баночки.

– Это от моей мамы.

– Теперь у вас будет новая бабушка. Это надо отметить! – довольный папа Витя, гулко шлепая ступнями, пошел в зал и принес из бара бутылку водки и бутылку коньяка.

– Витя, не спеши с новой бабушкой. Вдруг я не понравлюсь детям, и никакой новой бабушки не будет.

– Ну что ты говоришь! Понравишься! – показал два больших пальца папаша. – Это я тебе гарантирую. МладшОй, приволоки вилки из кухни. Да выбери одинаковые, как полагаются. СтаршОй, не будь жадиной, как говорится, телятиной! Тащи вино! Вино для дам первый напиток, – победно сказал отец, – лучше любого Бурдо.

– Бордо, – поправила Наташа.

– А, – отмахнулся, – какая разница? Что одно бурда французская, что другое.

– Ничего я не жадина, – достал из дивана бутылку, в которой когда-то плескалось дешевое молдавское вино, из машины, слетевшей с трассы возле нашей школы и быстро нами разграбленной.

– Вы еще и вино делаете? – умилилась Наташа. – Какие чудесные дети! Просто клад, а не дети!

– Один раз даже пломбир делали, пломбирчики хреновы, – отец налил себе водки, гостю вина, – но Валька их чуть не убила⁴, ха-ха-ха, – громко, словно спятивший от одиночества домовый, захохотал.

– Эскимо, – насупился Пашка, – оно на палочке было.

– Какие умницы! – Наташа подперла щеку рукой.

---

⁴ См. рассказ «Пломбир»

– Ты пей, Наташа. За нас!

Он выпил.

– На сидр немного похоже, – осторожно отпила Наташа.

– Да что сидр? Сидр это тьфу, скажу я тебе ты видела, какой у нас сад? – широко развел руки.

– Не успела еще, – кокетливо улыбнулась.

– Ладно, как в туалет пойдешь, так оценишь. Вокруг яблони в снегу. И это все наше, наше все.

– У вас туалет на улице? – насторожилась Наташа.

– Да, за сеновалом. Это вино как раз из яблок яблоньки, что возле туалета растет. Ничего, весной увидишь, как тут все цветет и пахнет, – сказал мечтательно. – Тут такой сад, что Чехов бы помер от зависти, если бы увидел. Впрочем, – наполнил свой стакан и налил гостю, – он и так помер, поэтому давай выпьем. За нас!

Чокнулись, папаша проглотил одним махом, гостю, покосившись на нас, тоже мужественно выпила.

– Я тоже помогаю! – решил похвалить себя Пашка, и по привычке хотел скользнуть под обеденный стол, но был остановлен грозным взглядом отца.

– Садись как нормальный человек. Нечего под столами ныкаться – не при маме чай живем! Ныне времена другие... консенсус, можно сказать.

– А что, при маме ребенок под столом сидел? – заинтересовалась городская.

– Да, прятался под столом и подслушивал, уродец малолетний, – ласково потрепал Пашку по всклокоченным волосам отец. – Боялся чужих людей, карандаш очкастый.

– Наркоманы могут меня украсть, – подтвердил Пашка. – Ма... бабушка всегда предупреждала.

– Какой ужас!

Мы сели за стол и начали понемногу общаться. В ходе этого ознакомительного разговора Наташа ловко пыталась влезть к нам в души и все нахваливала, как мы отлично живем без матери.

– Какой у вас тут порядок! Какие вы чистые и ухоженные! Я думала, вы тут как махновцы живете, а вы вон как.

– Эт верно! – самодовольно подтвердил отец. – У нас завсегда порядок в доме. У нас национал-социал и железная дисциплина, как в прусской армии: чашка, плошка, домашняя кошка. Я тут как Си-Си Кепвелл у них.

– И тараканы подошли, – вновь подал голос Пашка, украдкой утаскивая с тарелки какое-то лакомство.

– У вас были тараканы? Какой ужас! – всплеснула руками, едва не ткнув вилкой Пашке в щеку, Наташа.

– При Вальке были, – поспешил внести уточнение папенька. – Я ей, сколько говорил – избавься от тараканов, но ей все не до хозяйства было.

– Не повезло детям с матерью, – вновь вздохнула она.

– Тетя Наташа у вас астма? – поинтересовался Пашка.

– С чего ты взял?

– Просто вы постоянно вздыхаете как-то тяжело. У тети Нины Свечкиной астма, так она так же вздыхает.

– Это сестра моя старшая. Она в городе живет. А дочка ее, Лариска, они с Владом одногодки, к нам на лето приезжает жить.

– Хорошая девочка?

– Славная белокурая егоза, – скривился в улыбке отец.

– И к нам будет ездить, чего ей в городе чахнуть. Я думаю, мы с нею подружимся. Вы кушайте дети, кушайте. Вкусно?

– Вкусно.

– Берите пирожки, пробуйте.

– С мясом? – пугливо спросил Пашка.

– С мясом у нас только пуговицы, ха-ха-ха.

– А-ха-ха! – басовито поддержал папаша. – Видите, какую я вам чудесную маму привез? – «цвел» отец, наливая себе рюмку за рюмкой.

– Угу, – ответил я.

Пашка пытался вытянуть какие-то съедобные рыбные ошметки из пластиковой майонезной баночки.

– Милый, это мы друг другу по сердцу легли, а с детьми не надо так сразу. Они еще не привыкли и стесняются. Паша, а вот что ты больше всего любишь кушать?

– Кто? Я? – застигнутый внезапным вопросом, брат оттолкнул баночку.

– Да, ты. Или тут есть другой Паша?

– Да нет вроде, – неуверенно оглянулся он.

– Хватит придуриваться! Отвечай на поставленный вопрос! – в полупьяном голосе отца прорезалась сталь. – И четко отвечай, как пионер на допросе!

– Я потрошки люблю, жаренные с луком, – застеснялся Пашка.

– А еще?

– Еще картошку, на гусяном жиру жареную. И со шкварками тоже люблю. И колбасу люблю, когда она есть. Влад раз целую коробку колбасы выиграл на колбасне, и мы долго ее ели⁵.

– А ты, Влад? – вперила Наташа в меня холодные глаза, напоминающие фасеточные глаза насекомых.

– Макароны, – наблюдая, как Пашка опять пугливо начал выжимать содержимое баночки, ответил я.

– Макароны?

– Да. Еще хорошо яйцо в них.

– Яичница?

– Нет, просто в горячие макароны сырое яйцо вылить, посолить и перемешать – вкусно.

– Бедный ребенок. До чего же вас мать довела! А вот у меня, например, подруга есть. Так ее сам Газманов к себе на подтанцовку звал...

– Дочка у мамы просила кроссовки. Сходи-ка ты милая на подтанцовку, – мгновенно отреагировал отец.

– А кто такой Газманов? – спросил Пашка.

Повисла тишина.

– Скажите спасибо Наташе, что вы как дикари невоспитанные? – внес завершающий аккорд в знакомство папенька.

– Спасибо, тетя Наташа! Было очень вкусно.

– Скажите, как вам понравилась тетя Наташа, – продолжал командовать отец.

– Вы как эта самая, как Непердите! – восхищенно сказал Пашка.

– Чего?! – вылупилась Наташа.

– Ты что несешь, байстрюк? – грозно сдвинул брови отец.

– Ну, царица египетская, – испугавшись, начал объяснять Пашка.

– Нефертити, придурок! Это он слова путает.

– Ого, Паша сделал мне комплимент, – блеснули золотые зубы.

---

⁵ См. рассказ «То был вправду день сюрпризов».

– А теперь свободны! – отпустил отец. – Идите, делами займитесь.

– Кстати, – остановил нас голос Наташи, – что это у вас такое? – ткнула пальцем в висевшие в дверном проеме моей комнаты самодельные шторы, сделанные матерью из конторских скрепок и ненужных открыток⁶.

– От бывшей осталось, – смущенно пояснил отец. – Я как-то недоглядел, а дети сами недотумкали снять.

– Эту пошлость надо убрать. Такие аляповатые самоделки признак безвкусицы. Не удивительно, что у вас тараканы жили. Только тараканам такое убожество и нравится.

– СтаршОй, сними хрень, – распорядился папаша. – Наташ, мне самому эти висюльки не нравились. Постоянно за них цепляешься, звенят, нельзя подкрасться...

– Витя, а к кому ты подкрадывался? – заинтересовалась она.

– Ну, я это, – засмутился, – сказал, как говорится, образно. Ни к кому я не подкрадывался конкретно.

Разговор, услышанный, пока я снимал «наследие» матери, навел на мысль, что ушлый папаша скрывает от городской пассии свои заскоки насчет «борьбы с мировым злом» и «утки по найму»⁷.

– Дорогие мои дундуки, дайте я вас сейчас расцелую, дорогие мои дундуки, мы еще, мы еще повоюем, – благодушно запел под конец подвыпивший отец, а я вышел из дома.

– Слышь, батя не хочет ей говорить про свое супергеройство, – выйдя во двор, просветил брата, сидящего на пеньке.

– Почему?

– Откуда я знаю? Может у них в городе не принято со злом бороться?

– А если спрашивать будет?

– Чего она тебя будет спрашивать? Больно ты ей нужен.

– Про потрошки же спросила, – засмутился брат.

– Соврешь что-нибудь, как умеешь.

– Ничего я не вру, – заявил обиженно.

– Врешь, ты же ворюга матерый. Такими темпами если будете горшки воровать, то тюрьма по вам плачет⁸.

– Ничего по нам не плачет, – насупился Пашка. – Мы горшками больше не занимаемся, у нас теперь другие масштабы.

– Угу, трактора...

– Это всего один раз было! И то не я придумал!

– Понятное дело⁹.

Через пару дней в гости приехал младший брат отца – Леник. Бабушка, прослышавшая о появлении в нашей осиротевшей семье женщины, прислала его посмотреть и оценить потенциальную невестку.

– Мой младший брат, Леник, – представил папаша прибывшего родственника. – Прошу, как говорится, любить и жаловать.

– Очень приятно, – ответила Наташа, жеманно подавая руку, – Наталья.

– Леник, – по-простецки пожал протянутую руку. – А вы к нам надолго?

– Как повезет, – захихикала, – может быть, что и на всю жизнь. Это от Вити и детей зависит.

---

⁶ См. рассказ «Пестрая лента».

⁷ См. рассказ «Черный плащ».

⁸ См. рассказ «Деревенский детектив – 3».

⁹ См. рассказ «Агент».

– Ну, дай-то Бог, – пристально осматривал ее Леник, – дай-то Бог. Мать прислала посмотреть, что тут да как, – повернулся к отцу. – А то Филиппович сказал, что с какой-то женщиной ты сошелся.

– Что значит, сошелся? – вскинулся папаша. – Как говорится, нас свела судьба, рок, фатум!

– Ой, Витя, – продолжала хихикать Наташ, – Что ты несешь?

– Я несу людям порядок и справедливость! – привычно начал папаша, но потом вспомнил, что тут есть люди, не привыкшие к таким кунштюкам, и сменил тон. – Что думаю, как говорится, то у трезвого на языке. Может, отметим приезд? – обратился к Ленику. – Тебе с дороги погреться хорошо. Чай, не май месяц на дворе.

– Давай отметим, почему не отметить, – усаживаясь на табурет, согласился Леник.

Папаша, пританцовывая, приволок из бара бутылку бренди «Слянчев бряг».

– Влад, вина нам принеси. Наташ, сала покромсай, – отдавал распоряжения отец семейства. – Влад, луку почисти и чесноку тоже. Горчица, хрен, сметана? – повернулся к Ленику.

– Давай горчицы.

– Влад, достань из холодильника горчицу, сметану и хрен.

– Вить, а сам руку протянуть? – попенял Леник.

– Не барское это дело. СтаршОй подаст. За приезд, – разлил бренди по рюмкам, предупредительно поданным Наташей.

– Наталья, а вы с нами? – поинтересовался Леник.

– Если только пару капель, – продолжала жеманничать. – Я ведь так, обычно, не пью. Если только за компанию.

Она водрузилась на стул и достала откуда-то из-за спины третью рюмку. Папаша набулькал и туда. Выпили, зажевали салом. Папаша намазал кусок хлеба сметаной и хреном и аппетитно жевал, левой рукой стремительно хватая куски сала, макая их в горчицу и забрасывая в молотилку своей пасти. Время от времени рука хватала лук или чеснок и забрасывала туда же. На это зрелище вполне можно было продавать билеты, но некому.

– А вы чем занимаетесь? – нарушил чавканье отца Леник.

– На автозаводе работаю. В планово-распределительном бюро. А тут узнала о беде Вити и решила помочь в его горе.

– За Наташу, – сориентировался папенька и наполнил рюмки.

Выпили, отец опять намазал ломоть хлеба и с тщательностью поломанного автомата закусил по второму кругу. Он жевал, мы смотрели на него.

– При Наташе младшОй хоть перестал под стол прятаться! – преподнес величайшее достижение отец.

– А где он, кстати? – поинтересовался гость.

– Влад, где Пашка? – уставился на меня отец.

– Не страж я брату своему, – процитировал я.

– Молодец, Писание читаешь, – похвалил Леник.

– Так где же обормот? – продолжал гнуть свое отец, цитаты не понявший.

– Тут я, – раздался приглушенный голос и из-под стола вынырнул Пашка.

– Ты что там делаешь? – вызверился отец. – Сказал же, чтобы больше под столом ноги твоей не было!

– Собаки залаяли, а потом кто-то в дверь позвонил, – разъярил Пашка. – Я подумал, что это наркоманы...

– Тяжело пришлось детям с матерью, – лицемерно вздохнула Наташа.

– А вы ее знали? – невзначай поинтересовался Леник.

– Я? – почему-то посмотрела на рога. – Я нет.

– Вы же Витьку небось и до этого видели в цеху?

- Видела, – начала юлить Наташа, – но близко не знала.
- Странно как-то.
- Экий ты братец, моветонщик. А у нас же происшествие, – поспешил влезть папенька, – бюст Ленина украли в конторе.
- Кому он понадобился?
- А вот кому-то понадобился.
- Бронзовый? На металл унесли.
- Нет, гипсовый.
- Странно.

Все задумались над превратностями краж бюстов. В тишине папаша намазал третий бутерброд и вновь приступил к поглощению продуктов.

- Порой просто удивительно, какие гармоничные люди встречаются в природе, – нарушила тишину Наташа.
- Например? – первомайским кумачом расцвел отец.
- Вот я такая... – огладила себя по бокам.
- Хм... – едва не подавился папаша куском бутерброда.

Первые два месяца, пока проводила рекогносцировку, без официальной регистрации брака, коварная мачеха талантливо изображала любовь к будущему супругу и заботу о нас. Обещала нам ни в чем не отказывать. Расписала будущую совместную жизнь такими яркими красками, такие манящие перспективы перед нами обрисовала, что хоть стой, а хоть ложись и сразу помирай в благодати невероятной.

Под конец весны уехала назад в уездный город Смальцо, дав время подумать.

– Ну и как вам тетя Наташа? – хитро щурясь, как кушающий суп из селедочных голов дедушка Ленин на картинках в детских книжках, спросил папенька. – Ну что, оппортунисты мелкие?..

- Мы не портунисты, – пробурчал Пашка.
- Батьке виднее, кто вы. Хотите, чтобы она с нами жила?
- Хочу! – радостно заявил Пашка, которого Наташа холила как кобелька элитной породы перед вязкой.
- А ты чего молчишь, Влад? – папаша грозно свел брови и собрал внушительными складками лысину.
- А что говорить? Или мое мнение что-то поменяет?
- Поменяет или не поменяет – не важно. Но, на фоне того, что наша страна стремится к демократии, мне надо знать и твое мнение. Мы с Пашкой «за». Ты?
- Сомнительная она какая-то. Ничего плохого конкретно сказать про нее не могу, но какое-то предчувствие нехорошее.
- Ты весь в мать! Тоже какие-то предчувствия, какая-то интуиция! Помнишь, как она кричала, что след будем ее искать. И что? Ищем? Паша, ты ищешь?
- Кто? Я? Я – нет! – поспешил откеститься Пашка, весьма напомнив библейского Петра. – Я вообще ее забыл уже!
- А кто тогда ищет? Ты Влад?
- Да нет вроде...

– Что ты как-то виляешь все! Склизкий ты какой-то, как комлевой линь из-под коряги. Ничего определенного. Все сомнения какие-то, предчувствия. Не хватает в тебе этого самого, как его, – с хрустом прищелкнул пальцами, – материализму. Что тебя в тете Наташе конкретно не устраивает?

- Пока вроде как все устраивает, но что-то в ней все равно не то...

– Вы уже взрослые, и должны понимать, что мужику трудно без женщины, поэтому поставим вопрос ребром. Значит двое «за», один воздержался. Как видим, большинством голосов победила тетя Наташа. Послезавтра поеду и привезу ее. Все будет хорошо!

– Жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе, – процитировал я классика.

– Вот опять, здорово живешь! Опять сомнения! Ты батьке верь, батька никогда не обманет!

– Угу, оно и страшно...

– Я тебе когда-нибудь обманывал?

– Постоянно.

– Хм... Вот ты как с отцом? С вами бы и сам папа Карло давно тронулся! – хлопнул кулаком по столу. – Ладно, попросишь еще у меня хлебушка. Как говорится, лучше в руках синица, чем не опохмелиться.

Сомнения подтвердились очень быстро. Стоило ей с любвеобильным папой Витей официально закрепить узы Гименея и «расписаться» в районном загсе, как в тот же день безапелляционно заявила:

– Витя, с дворней регистрацию нашего счастливого брака, заключенного на небесах, я отмечать не буду. Эти проклятые дегенераты не относятся к бомонду. Не хватало еще челядь по такому поводу кормить!

Возомнила себя барыней Салтычихой. Корчила из себя этакую жангильную личность, вынужденную терпеть придурковатых отпрысков мужа. Сами они на обратном пути из Добровки сильно нажрались под расстрелянной стелой, обозначающей границы земель совхоза.

– Да, милая, бомондом тут точно не пахнет, – солидно покивал массивной башкой Витя. – У нас все больше навозом...

– Тетя Наташа, вы же обещали! – чуть не плача сказал Пашка. – Мы голодные сидели и вас ждали.

– Ничего я тебе не обещала, мелкий выродок! Твое занятие крыс ловить, а не на нервы капать! И вообще, рот закрой, а то куры насерут!

– Наташа, не нервничай, – встревожился супруг. – Тебе вредно волноваться.

– Витя, у тебя просто сверхнаглые дети! Думают, что я прямо сейчас обосру все ляжки, кинувшись готовить отбросам общества!

– Иди, делами займись! Или по маменьке соскучился? Что, при маменьке сыты были, УО¹⁰ деревенские? – скомандовала Пашке новобрачная, и в сопровождении законного мужа величаво поплыла в альков, то бишь в спальню, ставшую супружеской. – До чего же вы неблагодарны, имбецилы!

– Пап, но она же обещала! – уже с трудом сдерживая слезы, воскликнул вслед обманутый в радужных надеждах Пашка. – Мы же ждали...

– Сынок, тетя Наташа устала. Видишь же, что ей нездоровится, а тут ты лезешь как короед под юбку. Деликатнее надо быть, воспитаннее! Потом отметим, – отвечивший любящий папа, как покрытая коростой рептилия, вслед за супружницей проползая в спальню. – Займитесь делами. Чего зря дурью маяться? Свиньям идите варить, нечего бездельно спотыкаться – дверь в спальню захлопнулась перед сморщившимся лицом брата.

– В десять часов порядочные люди должны отходить ко сну, – послышался из-за двери капризный голос мачехи.

– И отойдем, милая, – филином заухал отец. – Немного пошалим и спать.

Из-за двери вскоре донеслись истошные звуки неистового совокупления, которым позаиводвала бы целая стая бабуинов, и стало окончательно ясно, что папеньке теперь не до нас.

---

¹⁰ УО – умственно отсталые, такой аббревиатурой нас любила называть мачеха.

Вот как быстро из людей внутренняя гниль и моральная нечистота переть начинает. Как из летнего деревенского туалета, в который недалекие шутники бросили пачку дрожжей. Стоит заметить, что я как человек с детства крайне, до перехода временами в легкую паранойю, недоверчивый, во все эти щедрые «предвыборные обещания» Наташи не верил. Сразу мне показалось, когда в прихожей впервые блеснули золотые зубы, что она человек низменной морали.

А вот наивный и мечтательный ребенок – Пашка, оставшийся на короткое время без жесткого диктата матери, так «губу раскатал» на дальнейшее наше привольное и сытое житье – бытие, что хоть губозакаточную машинку ему покупай.

– Она же обещала, – в слезах говорил мне, не в силах до конца поверить в наглый, бесовственный обман, – говорила, что будем жить лучше, чем с матерью!

– Угу. Жди дальше. Скажи спасибо, если в детдом не сдадут. А скоро еще и сестрица нарисуетя...

– Может, хоть она не станет с нами жить?

– Поживем – увидим. На все воля Божия. Батя говорил, что она просто прелесть...

– А что такое УО?

– Без понятия.

– А имцибелы?

– Вот и спроси у тети Наташи, когда она освободится.

– А отбросы общества?

– Это типа париев. Изгой такие.

– А куда нас изгонят?

– Пока не знаю, но что-то мне эта городская лохудра сразу не понравилась.

– Нужно было тебя слушать, – горестно вздохнул брат. – А я-то поверил.

– Теперь уже поздно, – вернул вздох я. – Да и толку? Все равно бы он нас не послушал.

– Правильно мать говорила, что он бурдулек, – согласился Пашка.

– Эт точно.

Не кривя душой, надо честно признать, что родственники у свалившегося на нас, как гром среди ясного неба, наказания Господнего, были ничуть не лучше «новой мамы». Были чрезвычайно прожорливы. Сытно пожрать и обильно выпить за чужой счет отнюдь не дураки были. И не только за наш. Вообще «халяву» любили. На воследовавшей после посещения загса свадьбе нетерпеливой Наташи и немолодого жениха Витеньки родственники невесты сожрали шесть овец, превзойдя древних монголов, способных вчетвером за раз скушать барана. И это не считая несчастной свиньи и всякой неудачливой пернатой мелочи типа курей, индюков и уток. Там натуральный достархан был накрыт нами для дорогих, в буквальном смысле слова, гостей.

– Витя, ты же не хочешь ударить лицом в грязь перед моей родней? – зудела Наташа.

– Конечно, нет!

– Тогда нужно все на уровне сделать.

– Все будет как в лучших домах ЛондОна и Парижу, милая! Даже не сумлевайся!

– Влад, бери Пашку в помощь. Ваша задача сделать стол в саду, возле погреба, –скомандовал.

– Большой?

– А как ты сам думаешь? Или хочешь, чтобы батя в грязь лицом перед людьми ударил?

– Не хочу.

– Тогда, как говорится, разрешите выполнять! Бегом, кругом, марш!

За пару дней мы сколотили из струганых досок и брусков крепкий и длинный стол и две массивные лавки.

– Хоть пляши, – похвалил, осмотрев нашу поделку. – Молодцы. Умеете же, когда захотите! Все в меня!

– Зачем на нем плясать? На земле места мало?

– Молод ты еще. Может, кто-то из женщин станцует стриптиз. На земле же никто стриптиз не танцует, – хитро подмигнул. – А со столом совсем другой коленкор выйдет. Хоть на голую бабу посмотрите, если повезет, ха-ха-ха. Как говорится, кричали женщины ура и в воздух лифчики бросали.

Мне пришлось почти всё время мерзкой свадьбы, больше похожей на пошлый и бездарный любительский спектакль, провести в канализационном колодце. Вода перестала течь из крана и папаша сказал:

– Влад, надо ликвидировать аварию водопровода. Вперед, Родина на тебя смотрит.

– А как же свадьба?

– А что тебе свадьба? На свадьбе главное жених, а я вот он, ха-ха-ха.

– Я хотел посмотреть.

– Вот чем быстрее будет отремонтирован водопровод, тем больше увидишь. Как говорится, все в твоих руках и даже член.

Пьяные вопли типа отечественных аналогов «*Salvete, bomi future conjuges!*»¹¹, издаваемые участниками пошлого фарса под аккомпанемент любимой неразборчивым аудиофилом Витей разухабистой попсы, долетали до меня и в колодце. Не было в этих обезьяно – и гиеноподобных звуках святой чистоты индюшиного пения, совершенно не было!

– Парня полюбила, на свою беду, – безумным соловьем разливался папаша, пугая окрестных кур. – Не могу открыться, слов я не найду-у-у-у.

Любил группу «Комбинация», как раз быстро набирающую популярность в среде таких же лишенных музыкального вкуса поклонников, как и он. Позднее, правда, стал слушать «Любе» и «Золотое кольцо».

– Витя, мы самое яркое созвездие в этой галактике, – надрывалась счастливая Наташа. – Нас теперь никто не остановит!

– Горько! – вопили пьяные гости.

При матери поехали мы в Клиновск, в цирк, на выступление любимого ею Добрынина. Гордый носитель апоплексии папа провел все время концерта, рассматривая в бинокль умеренно одетых девишек из подтанцовки этого самого Добрынина. А я рассматривал негров. Первый раз в жизни встретил живых негров. До этого про них лишь в книгах читал. Телевидение тогда еще не было захлестнуто мутным потоком пошлой продукции Голливуда с «фирменным афроамериканским юмором», поэтому на экране таких персонажей не было.

Два негра сидели на ряд выше нас, и ближе к концу первого отделения уже заметно нервничали от моего пристального внимания.

– *Гляньте, живые негры!*

– *Это мои друзья из Анголы, — важно заявил отец, не отрываясь от арены.*

– *Нехорошо так обращать внимание на людей! – одернула мать. – Смотри вон лучше на Пашку!*

Смотреть на певца она не могла мне приказать, волнуясь, что полуголая подтанцовка повредит моей юной нравственности. Мамаша была слегка двинута на этой почве. Когда в клубе показывали кино, то всегда сажала нас с Пашкой на кресла перед собой и при малейшем намеке на «обнаженку» на экране закрывала нам руками глаза.

– *Где негры? Живые? Настоящие?* – оживился Пашка, который арену все равно не видел.

– *Вон, сзади тебя сидят.*

¹¹ «Да здравствуют будущие добрые супруги!» (лат.).

– Где?

– Да вон же! — ткнул пальцем в сторону черных людей.

– Показывать пальцем некультурно! — одернула мать. — Павел, не вертись! Смотри на Влада!

– Мы в цирк приехали друг на друга смотреть?

– Не мешайте мне слушать песню! Устроили балаган какой-то, дикари! Людей постыдитесь!

В антракте я поднялся к «друзьям из Анголы» и спросил:

– Здравствуйте. А вы Тома Сойера знаете?

Они переглянулись и ничего не ответили.

– А Гекельберри Финна? — не отставал я.

«Дети черного континента» смотрели на меня как бараны на новые ворота. «Немые? Или просто по русские не понимают?» — подумал я и вернулся на место.

– А вдруг это шпионы? — Пашка начал корчить им рожи. — Помнишь, как в том анекдоте, что крестный рассказывал?

– Заткнетесь вы уже когда-нибудь или нет? — не выдержала мать. — Совсем ополоумели. Негров ни разу не видели?

– Нет! — в один голос ответили мы.

– А ты видела? — спросил Пашка.

– Я? Я...я нет, — была вынуждена признаться.

– Я видел, — наконец-то соизволил обернуться к обсуждаемым отец. — Негры как негры, — наведя на них бинокль, громко заявил. — У нас таких полно было.

Теперь уже весь ряд, забыв про певца, таращился на них. Не выдержав подобного обращения, в конце концов, иностранные граждане ушли.

Политически грамотный демагог, вдохновившись зрелищем полуодетых девишек, во время двухчасового пути домой прочел нам лекцию о борьбе с апартеидом, освобождении народов Африки, угнетении негров в США, Патрисе Лумумбе, Анджеле Девис и Нельсоне Манделе. Еще, щедро пересытая захлебывающуюся речь непарламентскими выражениями, поведал о своей героической борьбе против представителей свободной Африки. У них в сельскохозяйственном институте негров много училось, да и арабы с китайцами всякие встречались.

Конфликт у длинноволосого детинушки Вити получился с черными представителями братской Африки. Причина скандала была в отказе знакомого негра дать любострастному сатиру заграничный порно журнал и налить виски. Да, неплохо тогда африканские студенты жили за деньги простого советского мужика. Разозленный отказом «белый господин» Виктор, матерясь, покинул комнату улыбочивого «друга из Анголы» и затаил злобу так, как могут затаивать только истинные паразиты.

На следующую ночь, как раз накануне отъезда на летние каникулы, забросал окна иностранного общежития кирпичами, разбив их и поранив осколками нескольких «черных братьев». Сам свалил в деревню, терзая несчастных родителей и тиранить сестер, а доблестные сотрудники КГБ стали искать диверсантов, под покровом ночи подло поднявших руку на священную «дружбу народов». Но так как все теперь воочию видят уровень мыслительных способностей сотрудников, то вполне понятно, что верзилу-расиста так и не нашли.

Накануне свадьбы приехал усатый Леонид Филиппович с новой подругой жизни Надеждой, которую сопровождала грудастая дочка, и привез нашу двоюродную сестру Лариску и Леника. Бабушка Дуня на свадьбу не приехала: во-первых не одобряла столь скоропалительного брака старшего сына, а во-вторых, была приверженицей принципа, что ходок всегда здоровее ездока, а пешком до Горовки было около двухсот километров, и оставлять домашнюю скотину без присмотра на такой срок не могла.

Весь вечер, пока женщины готовили салаты и легкие закуски к торжеству, мужской компанией просидели в саду за недостроенной баней, за сколоченным мною дощатым столом, поглощая привезенное Филипповичем пиво. Целых две десятилитровых канистры привез. Я снабдил своеобразный «мальчишник» сушеной рыбой из своих запасов¹². Филиппович и Леник убеждали папу Витю не забывать родных детей в ослеплении любовном.

– Детей никогда не забуду! – торжественно восклицал папаша, нервно теребя руками белое волокнистое мясо окуня. – Я и женюсь-то только ради того чтобы у детей была мать. Одному мне трудно будет их воспитывать.

– Не верю я тебе, Витя – с сомнением покачал головой Леник. – Хоть убей, но не верю.

– Да чтоб мне сдохнуть, если я вру! – горячился папенька, махом опрокинув в себя помятую алюминиевую кружку пива. – Да разрази меня гром прямо на этом месте! Детям с Наташкой хорошо будет!

– Ладно, поживем-увидим.

– Гром разразить некого не может, – ехидно заметил Пашка, до сих пор обиженный, что папаша не стал отмечать с нами «ропись».

– Ты шибко умный стал, да? – ловко отвешенный родителем подзатыльник заставил Пашку заткнуться. – Никакого воспитания! Хули ты лезешь в разговор взрослых?

– Он как лучше хотел, – заступился Филиппович, сдувая пену с усов и ломая твердые янтарные пластинки щучьего мяса. – И вообще, ты Вить руки то не распускай.

– Да я же любя, – конфликтовать с вспыльчивым кумом-боксером лысый хитрец вовсе не был настроен. – Как говорится, бьет, значит любит. Паш, скажи, что я не сильно.

– Не сильно, – вынужден был соврать в глаза повернувшемуся к нему крестному Пашка, пугливо косясь на показанный из-за спины Филипповича кулак отца. – Он и сильнее может. И ногами...

– Давайте выпьем за детей, – предложил папенька, стремясь уйти от скользкой темы, – чтобы им легко жилось с новой матерью.

– За это грех не выпить!

– А кто такой УО? – пользуясь случаем, решил выяснить любознательный Пашка.

– УО? Хм, это умственно отсталый, – просветил племянника Леник. – А где ты это слышал?

– Он у нас такой, вечно при маме под столом сидел и подслушивал, – засуетился отец под внимательными взглядами двух пар глаз. – От нее и нахватался.

– Темнишь ты что-то, Витя...

– Да чтоб меня приподняло и шлепнуло, если я вру! СтаршОй, приволоки еще рыбы! Что ты жадничаешь для гостей?

– Ничего я не жадничаю!

– Рыба знатная, – похвалил Филиппович.

– Под пиво самое оно, – не остался в стороне и дядька.

– Мой улов, – распушил перья папенька. – Мы завсегда при рыбе!

– Ты же ловить не умеешь, – усомнился Леник.

– При умной голове уметь ловить и не надо, – постучал себя по лысеющей черепушке. – Мозги надо включать и будет рыба.

– А что такое имцибелы? – прочел с клочка бумажки непонятное слово Паша.

Взрослые переглянулись между собой.

– Может, децибелы? – предположил Филиппович.

– Я вообще не знаю таких слов, – признался Леник. – Паш, где ты их только нахватался?

---

¹² См. рассказ «Ленин и печник».

– Да он вечно у нас слова путает, – прояснил отец. – Нахватается и пристаёт к кому ни попадя. Давайте лучше выпьем за память!

Выпили.

– Оголодал я, как говорится, сексуально без жены законной, пора уже и поменять устои, – провозгласил папаша. – Давайте выпьем!

Выпили.

– Слабоумный, слабоумный, слабоумный дядя Коля, слабоумный дядя Коля, ты взглядишь в его лицо, – запел отец.

На следующее утро, под надсадный крик большой стаи откуда-то прилетевших грачей¹³, чопорно как квакеры усевшихся на проводах, на наши больные после пива головы, как беды из ящика Пандоры посыпалась голодная развеселая орда родственников со стороны счастливой новобрачной. Форменная стая охотящихся гиен. Почти все гости свадьбы были со стороны невесты, с нашей стороны, считай, и не было никого. Правда, пригласили тогда соседей – Кольку Лобана¹⁴ с женой и ещё был приглашен главный инженер совхоза Иван Иванович Куцый с супругой.

С овец, которых при еще матери бабушка Дуня нам дала, самой бабушке ни кусочка мяса не передали эти безбожные скоты – родственники Наташи. Хотя себе в машину два ведра вареной баранины, залитой жиром, погрузили. А ведь добрая бабушка Дуня, беспокоясь о прожорливом сыне, так внезапно обретшем позднее семейное счастье, машину Филипповича консервацией и всевозможными постряпушками загрузила. Всё пожрали новоявленные алчные родственники аки саранча ненасытная. И даже ведер мы потом назад не получили, хотя ведро и тогда, и сейчас на селе считается немалой ценностью.

Если хорошенько, как бицепс молодого Шварценеггера, напрячь память и вспомнить, толпа оглоедов большая собралась. Так и стоят наглые лица перед внутренним взором, очистившимся ради этого рассказа от наслоений прожитых лет:

– мать и отец мачехи (в дальнейшем периодически буду называть их бабкой с дедом) Зельма Карловна и Борис Николаевич;

– длинноногая и долговолосая дочка мачехи, ровесница Пашки – Настя;

– Света – старшая сестра мачехи из Москвы с сожителем – крымским татаринцем Валерой;

– Лена – младшая сестра мачехи из Мурманска с мужем¹⁵ и двумя детьми: сыном Толиком и дочкой Женей;

– длинный обалдуй Славик – младший брат мачехи из Подмосковья – довольно малахольный гражданин, с какой-то размалеванной шлюхой неопределенного статуса, имя которой моя память для нашей истории не сохранила. Впрочем, эта особь женского пола в дальнейшей истории и не фигурирует, поэтому вспоминать имя эпизодического персонажа не вижу смысла;

– Николай – старший брат мачехи¹⁶ с невнятной женой и сыном-оболтусом¹⁷, носящим стрижку каре;

– Сергей Николаевич¹⁸ – дядька мачехи по отцу, чрезвычайно гордящийся своими уголовными связями¹⁹, с сыном Кириллом и женой;

---

¹³ В чем наша мать без сомнения углядела бы дурную приметку.

¹⁴ Герой, знакомый читателям сборников «Наследники Мишки Квакина».

¹⁵ На удивление нормальный человек оказался. Может быть потому, что был белорусом?

¹⁶ Потом станет владельцем одного из крупнейших частных банков России. До этого мы еще дойдем.

¹⁷ Был пойман Николаем на просмотре порнофильмов. Кассета застряла в видеомагнитофоне и он, ничтоже сумняше, разобрал видеомагнитофон, чтобы ликвидировать следы просмотра, но до конца извлечь видеокассету так и не смог. Оболтус и недоросль, одним словом.

¹⁸ Это он на японской машине приезжал – см. забавный случай, описанный мной в рассказе «Ленин и печник» из сборника «Наследники Мишки Квакина».

– дядя Володя – бородатый угрюмый тип желчного вида. Ему еще штормовку и гитару так вылитый бард был бы;

– двоюродный брат мачехи, имя которого моя память в точности также не сохранила. Вроде как Олегом этого мелкого сморчка с выкрашенными в зеленый цвет волосами звали. Ему потом суждено было сыграть немалую роль в падении жизненного локомотива нашего папаши под откос. Впрочем, вся эта «семейка Адамсов» в своё время немалую роль в моральном падении хризипендера Вити сыграла;

– крашенная хной вульгарная Ира – закадычная подруга Наташи, та самая, которую якобы звал в подтанцовку Газманов. Она во время свадьбы похотливо пялилась на Лобана, и, приглашая Кольку на танцы, неприлично прижималась к нему.

Вот такая немалая стая жадных потребителей халявных «хлеба и зрелищ» собралась на нашем несчастном подворье, волею отца отданном на растерзание городских бесов. Духовный плебс, ошибочно мнящий себя истеблишментом. Возможно, что и забыл уже кого с ее стороны, за давностью прошедших лет. Вроде была и пара каких-то прибалтанных шалавистых подруг новобрачной в этом кагале, но уже не поручусь. Память детства, горячим гейзером пробивающаяся сквозь толстый лед прожитых лет, иногда уже подводит.

Даже по нынешним временам напоить и накормить такую бездонную стаю стоит немалых денег и трудов. А что уж говорить про тогдашние полуголодные времена? Шел 1995-й год. Надо ещё заметить, вне всякого стремления автора принизить какую-либо национальность, что родственники мачехи были наполовину евреи, а наполовину казахи. Убийственная смесь получается, если задуматься. И как показала жизнь, честным русским людям не сулящая совершенно ничего хорошего. Что уж говорить про ирландских евреев, которых и так всю жизнь притесняют все, кому не лень.

На свадьбе пьяный папа Витя, похожий на пораженного стригущим лишаем Кинг-Конга, гулко бил себя кулаком в жирную грудь и на всю деревню кричал:

– Если жена не понравится детям, то я поменяю жену! Женщин много, а дети одни! Я люблю своих детей и никому не дам их в обиду!

– Горько! – внезапно заорал отец мачехи в наступившей после такого неожиданного заявления новоиспеченного мужа напряженной тишине.

– Горько! – облегченно подхватили гости.

Папаша ловким движением замахнул стаканюгу смеси шампанского и водки и как вампир впился в пухлые губы супруги.

Стоит ли говорить, что о прилюдно данных обещаниях он забыл уже на следующий день. Под пьяный шум свадьбы сын Николая и дочка Надежды ускользнули из-за стола и тайком отправились на озеро. Хватились их только к вечеру. Потом оказалось, что этот «свадебный заплыв» обернулся для грудастой горожанки, разомлевшей от обильной халявной выпивки на свежем деревенском воздухе, абортom. Видать не зря похабно стриженный недоросль Кирилл смотрел отцовские порнокассеты...

На следующее утро новоиспеченная супруга закатила шумный скандал.

– Пускай везут твоей маме! – потрясая мятой простыней, бегала по дому, натываясь на похмельных гостей. – Не понимаю, чем свекровь недовольна! Да, у меня есть дочь – разве я виновата?

– Наташа, успокойся, – пытался урезонить ее Витя.

– Нет, не успокоюсь! Я не понимаю ее претензий! Можно подумать «б/у» тебе целкой досталась!

– Наташа, не надо при людях!

---

¹⁹ По его словам хорошо знал Отари Квантришвили.

– А чего мне людей стыдиться? Это же не я мужу рога наставляла!

Гости стыдливо отводили глаза и спешили выйти во двор на свежий воздух.

– А давайте-ка похмелимся! – как жирная муха лапки, потирая руки, предложил отец новобрачной. – Что там у нас осталось? Виктор, вели человеку подавать напитки!

– СтаршОй, волокни водку на стол и баранину принеси! Сальца еще притараньте с чесночком. Видите же, что людям закусить нечем.

– Знаешь Вить, я наверно поеду, – сказал Леонид Филиппович. – Совет вам, как говорится, да любовь, а нам с Надей пора.

– Я тоже поеду, – поддержал Леник. – Отпраздновали, пора и честь знать.

– И этот про честь! – выскочила из дома Наташа. – Витя, за что они меня попрекают?

– Наташ, никто тебя не попрекает.

– Что, мне надо было себе влагалище зашить? Тогда бы твои родственники были довольны?

– Вы тут разбирайтесь, а мы поехали, – поспешил откланяться Филиппович.

– Я тоже поеду, – присоединилась к ним Лариска. – А то потом от вас никак не выберешься.

– Езжайте, скатертью дорога! – напутствовала Наташа. – Витя, гости могут заскучать без нас. Пошли в сад.

– Пошли, – недоуменно и даже как-то обиженно глядя вслед уходящим родственникам согласился папаша.

Свадьба, все больше и больше похожая на пошлую оргию, продолжилась.

– Горько! – не унимался тесть.

– Горько! – вторила ему теща.

– Горько, так горько, – папаша схватил стакан и привычно залил в себя водку. – Ура, товарищи! За Наташу!

– За Краснополевых! – не унимался дед. Морщины на красном лице стали такими глубокими, что в них точно до половины вошла бы спичка, а монетка исчезла бы безвозвратно. – За наш казацкий род!

Гулянка продолжалась. К вечеру отец окосел до такой степени, что начал слегка заговариваться.

– Выпьем за товарища Сталина! – вскочив на стол, который едва не рухнул под весом туши, заорал он.

Гости недоуменно переглянулись.

– Вот и «белочка», – сказал я Пашке. – Сейчас будут подарки.

– Главное, чтобы не нам, – пугливо отозвался тот, на всякий случай, отступая за яблоню.

– Вот придут наши! – продолжал надрываться отец. – Всем тогда достанется, кто не ждал!

– А мы ждали, – впервые с начала свадьбы подал голос Колька Лобан. – Мы ждали и верили!

– Молодцы, – обрадовался жених. – Ура-а-а-а!

– Ура, – нестройно подхватили гости.

– Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь, да здравствует созданный волей народной, единый, могучий Советский Союз, – затянул лысый баламут, покачиваясь на столе.

Допеть гимн до конца не удалось. Ножка стола ушла в почву, и папенька спикировал на мягкую землю. Загаженная остатками пиршества скатерть, которую он зацепил ногой, накрыла его как погребальный саван.

– Витя, ты живой? – первой отреагировала на перформанс Наташа.

– Не дождетесь! – вскочил, как ошпаренный поросенок, и начал бегать вокруг накренившегося стола. – Это попытка переворота! Политическое убийство!

Скатерть, шлейфом платья невесты, тянулась за ним. Потом наступил закономерный итог: он запнулся за скатерть и вновь рухнул на землю.

– Я этого так не оставлю! Урою!!! – лысый метеор кинулся в дом. – Всех возьму за хоботы! Вы мне сейчас ответите! Я ужас, летящий на крыльях ночи!

– Витя! – бежала следом супруга. – Витя, одумайся!

Гости опасливо сбились в кучку и жужжали как взбудораженный ночными медокрадами улей.

Из дома выскочил отец, сжимая в руках ружье.

– Молитесь теперь, падлы городские! – вскинул ружье кверху и жажнул дулетом в бездонное-синее летнее небо, испуганно смотревшее на творящееся безумие. – Смерть пришла ваша! Победитель темных сил – Костромин!!! От винта!!! Зигзаг, ко мне!!!

Испуганные гости кинулись через ограду из толстых горизонтальных жердей в сад. Колька Лобан, черный пиджак на котором сидел, как на барсуке седло, смущенно и неуверенно улыбаясь, шел к отцу.

– Зигзаг, от винта!!! – надрывался тот. – Покажем городским буржуйам, где раки зимуют!!! Наших бьют!!!

– Витя, не надо, не надо, Витя! – визжала мачеха, прыгая вокруг него, как Моська вокруг слона. – Это же твои родственники! Это уважаемые люди!

– Коля, не позорь перед людьми! – схватила мужа за рукав пришедшая в себя Лобаниха. – Не вмешивайся, это семейное дело.

– Семейное? – неуверенно улыбнулся Колька и зарядил в торец пробежавшему мимо дяде Володе. – Неча наших забижать.

Дядя рухнул на мягкую землю и свернулся в позе зародыша, видимо, думая, что будут бить ногами. «Повисло напряженное, гнетущее молчание», – как пел классик. Гости убежали, дядя корчился на земле, Лобан и Лобаниха смотрели на него, папаша тупо стоял и смотрел на ружье.

– Забыл, как оно открывается, – сказал, неуверенно глядя на меня.

Я осторожно приблизился.

– Там рычаг надо сдвинуть, – посоветовал Лобан, примериваясь, стоит ли пнуть поверженного.

– Давай, помогу, – сказал я папаше. – Дай, я открою.

Он доверчиво протянул оружие.

– Одни только дети меня понимают, – густые мутные слезы обильно покатались по сморщенному яблоку лица. – Только они не бросили, не предали, у-у-у-у.

Папенька притянул меня и, крепко обняв, уткнулся тяжелым скользким лбом в мое плечо, давясь неразборчивыми рыданиями и обдавая запахами перегара, горчицы, хрена и сгнившей капусты.

– Успокойся милый, все хорошо, – угрем вклинилась между нами Наташа. – Ты просто устал. Сейчас поспишь, и все наладится. Влад, помоги отвести отца в спальню.

Я передал ружье осторожно подошедшему Пашке, который сразу же начал носиться с ним по двору и кричать «Пиф! Паф!», направляя в сторону запуганных гостей, а мы с мачехой повели отца в дом.

– Первоапрельский капустник вам в задницы, – обернувшись на крыльце, выкрикнул папаша. – Маруся еще вернется!!!

– Пошли, милый, пошли, – ворковала Наташа. – Поспишь, протрезвешь, и Маруся обязательно вернется.

Тот перестал упираться и пошел с нами. Довели его до спальни и уложили на кровать.

– Выйди, смерд, мне надо оказать мужу интимную помощь, – распорядилась мачеха.

Я вышел на улицу. Гости робко стояли в саду, переминаясь с ноги на ногу, как первоклассники, захотевшие писать на торжественной линейке, и боялись лезть через ограду обратно. Лобан, подняв дядю Володю, сидел и пил с ним «мировую» за перекошенным столом.

– Ты на Владимирыча не сердчай, – приговаривал Лобан, обняв потерпевшего. – Мужик он хороший, с пониманием. Ну, выпил, с кем не бывает? Да?

– Да, – соглашался побитый горожанин, искоса глядя на кулаки Кольки.

– А так он хороший. Мы с ним столько всего наворотили, когда он в плаще чкался. До сих пор нас вспоминают, только что песни не складывают. Ты не сердчай, что в грызло тебе приложил, я же за дело, а то приехали тут с городу и распоряжаетесь. Нехорошо это.

– Нехорошо, – покорно соглашался приехавший, – не к месту приехали.

– Все в порядке. Витя просто не может простить «бывшей» гнусной измены, – объяснила гостям вернувшаяся Наташа. – Продолжайте веселье. Влад, Паша, несите еду! Пить будем, гулять будем!

Мы поправили покосившийся стол, и гости продолжили пьянствовать, время от времени косясь в сторону крыльца. Только через три дня орава Краснополевых, пожрав все как саранча, покинула наш дом. Городские дикари умудрились засрать всю дорожку к туалету, а территория за баней была завалена использованными презервативами. Права была деревенская склочница бабка Максиманиха, говоря:

– Все городские давно промеж собой поперетрахались!

И они еще пытались учить нас, деревенских тупиц, культуре!

Папаша пришел в себя, но первое время его было не узнать. Почти не пил, во всем помогал новой супруге. Изредка чистил хлевы и колол дрова, кормил свиней и собак. Вплоть до того, что по осени перебирал вместе с Наташей картошку.

– Не гнушаюсь я физической работы, – так заявлял он.

При матери такого ни разу не было.

Перестал именовать себя борцом со злом и уткой по найму. Даже начал заниматься с моими самодельными гириями, сделанными из двадцатидвухкилограммовых блинов от штанги. Я взял ручки от пружинных блоков комплекса и пару цепей. Прodel цепи в блины и с помощью больших болтов закрепил ручки на цепях. При жиме или толчке такой «гири» довольно сильно разбивались плечи и предплечья, и я постоянно ходил с синяками, но не жаловался.

Правда, через пару недель ему это надоело, и папаша к атлетической гимнастике охладел.

– Мне и секса вполне хватает для нагрузки, – похотливо ухмыляясь, заявил он. – Это вам с Пашкой энергию девать некуда. Как говорится, еще вся сила в яйцах.

– Это как, сила в яйцах? – заинтересовался любознательный Пашка. – Как у Кощея?

– Молод еще, не поймешь. У тебя еще все спереди, – по-жеребьячьи восторженно ржал папаша. – Выдумает же, как у Кощея. Балбес, честное слово, балбес.

Тут позволю себе небольшую диатрибу. Да, мало кто сейчас знает, что такое честный крестьянский труд. Мне же крестьянский труд знаком отнюдь не понаслышке. Мы, деревенские дети, честно работали в поте лица, по завету Божьему, зарабатывая на хлеб свой насущный. В ныне порядком подзабытые времена дети в сельской местности рано приучались к тяжелому, честному и праведному труду.

Лично я начинал знакомство с крестьянским трудом с чистки навоза в свинных и коровьих хлевах. Грязное, дурно пахнущее, но правильное и необходимое дело, надо вам заметить. Возможно, именно поэтому я и стал честным ассенизатором. Как знать, как знать. Навоза за двумя коровами и четырьмя свиньями немало образовывалось. Так что пару-тройку часов в день с вилами и совковой лопатой в руках приходилось активно вдыхать запах побочного

продукта животноводства. Зато я знал, как мясо на столе появляется, в отличие от нынешнего молодого поколения, морально и физически искореженного придуманным заокеанскими гордецами фаст-фудом.

Позже, под руководством незабвенного деревенского мудреца, которому измышленный Шолоховым дед Щукарь и в подметки не годился, деда Феогида²⁰, освоил косу. Не такая уж это и легкая наука – косить. Это вам не на коньках раскормленным тазом пошло вилять, низменности и стадности зомбированных бандерлогов, запланированных «золотым миллиардом» на принесение в жертву, потакаемая. Тут необходима истинная праведность, Божье слово и доброта.

Повзрослев и физически окрепнув, всё лето проводил в совхозе, зарабатывая деньги для семьи. Так что никакого всесоюзного пионерского лагеря «Артек» и прочих в глаза не видел. Сначала на току работал. Работа не простой была. Стоишь и на жаре весь день зерно к сортировкам подкидываешь широкой деревянной лопатой.

Кто из вас заявит мне, что на коньках тяжелее тазом вилять, чем весь день лопатой зерно перебрасывать? Такое только полностью потерявшие связь с реальностью люди могут бездумно декларировать. Потом я стал помощником комбайнера. Так что именно я кормил эту продажную сволочь, которую теперь в пример духовно нищей и оболваненной молодежи ставят. Начиная с сентября месяца, старшие и средние классы нашей школы, и не только нашей, отправлялись на помощь окрестным колхозам и совхозам, собирая на полях картофель и затаривая его в бурты. По весне картофель приходилось нам же извлекать из буртов, перебирать и готовить к посадке.

Картошку под холодным дождем, в липкой, «бурой, вязкой, вонючей» – по верным словам А. П. Чехова, грязи, собирать, это не дорогой клюшкой махать бесцельно, не пинать несчастный мячик, не на коньках импортных тазовёртничать. И еще они смеют пиццать о «великом труде спортсменов»! Слов цензурных не хватает ответить на грязь, которой они поливают честных тружеников земли русской! Это более липкая и противная нравственная грязь, чем та, в которой лежал собираемый нами «второй хлеб». Ты в поле поработай, трутень, а потом будешь про «великий труд» пасть ощеренную свою разевать, за бюджетные деньги белыми металлокерамическими зубами оснащенную. Клюшкой махать ума особого не надо. За примерами далеко ходить не надо, примеры у всех на слуху.

Ещё по осени совхоз детей деревенских, в частном порядке, нанимал жечь неубранный лён. Сейчас в это трудно поверить, но в тот худой период на наших землях и лён, и гречиха росли, а не только бурьян, опиный мак и конопля, как ныне. И вот идёшь и сжигаешь перепутанный двухметровый лён, так как совхоз не успевает его убирать, а под снег его нельзя оставить, иначе потом весной не разработаешь землю. Зато масло льняное своё было, и семя льняное, чтобы заварить с лечебными целями, не надо было в магазинах искать. Правда, полотно изготавливать льняное уже тогда мало кто мог. Как, впрочем, и крапивное. Геронтоцид русского народа давал уже свои мрачные уродливые плоды. Но есть у меня, от бабушки Дуни покойной остался, уникальный, собственноручно сотканный ею ковер. Три оленя на нем вытканы. Возил я ей, доброй старушке, при возможности, с какой-нибудь okazji и лён и шерсть с овец наших, а она ткала.

Кстати, в семейном фольклоре сохранилось предание как жадный старший сын (и по совместительству мой папаша) Витя поссорился с сестрой Ниной из-за ковра, сотканного бабушкой Дуней. Семья наша в деревне Пеклихлебы жила, и хитрый потомок скифов, ковров безмерно алчущий, забрал причитающийся родной сестре ковер, у бабушки тогда уже живущей в деревне Толма. Полгода не разговаривали сестра с братом после этого инцидента. Да, та еще семейка была. В семье было пять детей, по старшинству: Рая, Нина, Виктор,

²⁰ См. рассказ «Жареной свинье в зубы не глядят».

Галина, Леник. И с самого детства между собой они не ладили. Всё пытались отжать друг у друга кусок пожирнее. В то время люди в деревнях небогато жили, хотя и честнее и праведнее нынешних, поэтому жирных кусков в семье хватало не всем. Как правило, постоянно «одеяло перетягивал» на себя выжига и хитрый жох Виктор. Впрочем, рассказ про этого вороватого, аморального, нравственно нечистоплотного и хитрого, но одновременно глупого персонажа, человека и контрацептива, ожидает вас далее. У матери нашей в семье тоже пять детей было (опять по старшинству привожу): Николай, она, Петр, Елена (потом погибла), Владимир (погиб в восемнадцатилетнем возрасте при невыясненных обстоятельствах на охоте).

Помимо осеннего сжигания льна, и наоборот, случалось нам по весне горящую траву тушить. Форменные дебилы, кои, признаться, и тогда нередко встречались в многострадальном русском народе, хотя и не в таких критических количествах, почему-то считают, что если весной сжигать сухую траву, то это принесет немалую пользу Природе Родины. Что при этом возникают пожары, гибнут насекомые и мелкие животные с птицами, повреждается верхний корневой слой почвы – про то им неведомо.

Однажды тушили мы такой пожар – сами чуть не сгорели. Слава Господу, что дождь сильный пошел – потушил всё. Иначе бы лес загорелся, что принесло бы бедствия неисчерпаемые многим Божьим тварям. Помню, когда, наконец, одного похабного придурка-поджигателя мы поймали, то после выслушивания его позиции о: «Полезности низового пала для роста травы», не стали разводить долгой дискуссии, а сожгли все волосы на его мерзком теле. Дабы наглядно доказать этому нечестивцу, что пользы это действие никакой не приносит. Как же он орал тогда! Верещал, как несчастный заяц в когтях у ворона.

Так эта скотина мячеглотная потом побежала в милицию жаловаться на нас! Ну не тварь ли дрожащая? Он бы еще на телевиденье побежал жаловаться или в «Поле чудес» Леониду Аркадьевичу Якубовичу написал. Нет, чтобы спасибо за науку жизненную сказать – побежал жаловаться. Правильно Батяка Лукашенко в братской Беларуси таких моральных уроков сажает! Нужно, нужно приговаривать таких паразитов к пожизненному заключению с принудительными работами по тушению пожаров и озеленению гарей. С обязательным чтением произведений Виталия Бианки вслух! Хотя, многие из них и читать не умеют. Только считают деньги, отжимаемые у пенсионеров, инвалидов и сирот, горазды.

У нас девочки возраста юркой эпоконьковёртки уже коров доили во всю силу своих неслабых рук. И поведением были благочинные, в ложный морок Америки, афро – и латиноамериканцев обижаящей, не рвались. И катков в Сочи на народные деньги с завышением сметы на триста процентов строить не требовали. И о квартирах на халяву даже мечтать стыдились – знали, что это проститутток валютных удел, а не честных людей труда праведного. Им такое бы даже в голову никогда не пришло.

Что такое коров доить я, в отличие от большинства из вас, прекрасно представляю. И мне их случилось доить после ухода матери. У нас тогда четыре коровы было, и пока подлая городская кочерыжка Наташа не научилась тонкому искусству дойки, доить их приходилось мне. Чувствуется, городская гниль – даже корову не в состоянии подоить она была. Какой из неё толк может выйти? Не даром же спортсменкой была – то ли волейболисткой, то ли баскетболисткой, то ли еще какой-то «-исткой». Точно помню, что не фигуристкой, не дзюдоисткой и не копьемёткой. Паразитка комлевая. С рождения крайне циничное, растленное и злобное существо. Та еще продувная бестия, решительно настроенная на личное обогащение за счет окружающих. Социальных паразитов не сеют, не пахнут – они сами посредством промысла дьявольского зарождаются и стремятся вытеснить нормальных людей аки кукушата, алчные клювы разевающие. Работать не хотят, а жрут в три горла.

Поработала благодетельница Наташа примерно с год или чуть больше того на бывшем месте нашей матери и свалила из бухгалтерии, напрочь разругавшись с матерью моего детского

друга Андрюхи – главным бухгалтером совхоза Верой Андреевной и подругой матери Зиной. Стала редкой в ту пору домохозяйкой. Тогда о существовании неработающих домохозяек русский народ только из транслируемых по телевизору сериалов типа бесконечной «Санта-Барбары» знал. Заодно, выжиг Наташа широко приторговывала плодами нашего труда. Я масло сливочное сбивал и сыр со сметаной делал, простоквашу, сливки и творог. Она все это оптом передавала родителям в Смальцо и Зельма Карловна продукты продавала. Понятное дело, что никаких денег после этих сделок купли-продажи мы не видели.

– И в кармане бабло, и с души слегло, – как говорила Наташа.

Я вообще с искренним удивлением узнал о существовании «карманных денег» у детей только через несколько лет после этого. Как-то повезли нас из школы в райцентр проходить комиссию в военкомате. Туда довели, а назад своим ходом. Мне пришлось на попутках добираться – денег на рейсовый автобус не было.

Потом «королева грошовых интересов» Наташа, понемногу передувив, проредила поголовье индюков, этих милых и отзывчивых птиц, певших со мной «а капелла» и скормила жадной ораве своих ненасытных родственников. Затем и курей с утками постигла эта неотвратимая как Рок судьба, но это было позже. Таким уж была Наташа существом – даже птицам не могла простить робких попыток сопротивления.

II

«И эти люди учат меня не ковыряться в носу?»

Став законной супругой простодырого телепня Вити и полноценной хозяйкой в доме, пергидролевая шишига развернула настоящий террор против нас с Пашкой. Для начала категорически потребовала:

– Будете называть меня милостивой матушкой и нашей благодетельницей, Понятно, дебилы?

– Вы в попадьи метите? – поинтересовался я после выслушивания этого помпезного бреда. – И не дебилы мы вовсе.

– При чем тут попадьа? – занудным голосом приоткрыла свое искаженное представление сельской жизни. – Благовоспитанные деревенские дети именно так должны называть матерей. Если они не дебилы, конечно. К вам, дебилам, это, как вижу, не относится.

– Мы не дебилы!

– Значит, вы УО, не способные понять, что являетесь дебилами!

– Почему это мы дебилы?

– Понятно почему, уродились вы такими. Мамаша ваша была чокнутой по всей пустой башке и вы такие же. Витя, твои дети просто-напросто отъявленные недоумки.

– Странная парадигма совершенно не совместимая с реальностью. Тетя Наташа, при всем моем уважении, вы всё-таки матерью нам не являетесь. Как мы можем называть вас матушкой? – вполне резонно возразил я, пытаюсь призвать на помощь логику.

Откуда мне тогда было знать, что подобным существам, порожденным Мировым Злом, логика совершенно чужда? Мои слова были немедленно восприняты истеричной Наташей как *casus belli*²¹.

– Ах ты, навозник сраный, баран тупорогий! Ты меня еще учить будешь? При маме рот боялись открыть, а тут осмелели, змееныши! Я тебя по полу, как дерьмо, размажу! Распустила я вас!

– Почему это мы змееныши?

– Ты шибко умным стал, чмо пелопонесское?

– Вы хотели сказать лохнесское? – не понял я отсылку к Греции. – В смысле, как чудовище с Лох-Несса?

– Если пойдешь сдавать органы, пожалей народ, мозг оставь при себе!

– Вы знаете, что такое мозг?

– Чтоб ты усрался и бумаги не было рядом!

– Спасибо, и вам того же.

– Витя, эта тварь издевается надо мной!!! – завизжала Наташа и стала скакать по прихожей как большая царевна-лягушка, гоняющаяся за Иваном-царевичем. – Он угробить меня хочет!!! Витя-я-я-я!!!

– СтаршОй, ты чего хамишь? – подал голос папаша, по лику которого было понятно, что он уже запутался в моей территориальной принадлежности: Греция или Шотландия.

– Да ничего я не хамлю. Я культурно разговариваю.

После разгорелся шумный скандал, едва не перешедший к рукоприкладству, и я немедленно стал для неё «врагом общества №1». А уж злопамятности Наташи целая свора бешеных хорьков могла бы позавидовать. Этой попытки сопротивления своей власти мачеха мне так никогда и не простила. Едва до шпицрутенов в нашем воспитании не дошла экстремальная

---

²¹ Повод к войне (лат.).

педагогическая самоучка. Но и другие методы, применяемые ею в воспитательном процессе, были не многим лучше пресловутых шпицрутенгов, навеки запечатленных классиком русской литературы.

– Еще попомнишь меня, дебил рыжий, – зловещим тоном предупредила мачеха. – Еще очень сильно пожалеешь, это я тебе обещаю.

Я промолчал.

– Витя, чего он смотрит на меня исподлобья?

– Что ты уставился на нее как волчонок? – отреагировал отец. – Давно в зубы не получал?

– Попробуй...

– И ты тоже попомнишь, слепыш, – не обошла своим вниманием Наташа и пугливо выглядывающего из дверного проема Пашку. – Не думай, что как при матери под кроватью отсидишься.

– А я-то при чем? – искренне удивился Пашка. – Меня-то за что? Я же вообще молчал.

– Если будет за что, так вообще придушу и свиньям скормлю!

– Не спорь с тетей Наташей, свинтус неблагодарный! – вновь включился в воспитательный процесс любящий папенька, перестав сверлить меня свирепым бронебойным взглядом. – Весь в мать пошел, такой же тупой и наглый.

– МилАй (так она его называла, с ударением на втором слоге), может еще не поздно его в спецшколу сдать?

– Рано Наташа. Пока рано... – отец стремился поддержать в глазах деревенской общности и районного начальства имидж примерного семьянина. – Давай подождем немного. Годик-другой...

– А со старшим дебилом что делать будем? Как его гнилую сущность исправлять? Его в спецшколу не возьмут.

– Не возьмут в спецшколу, так в колонию отправим, – обнадежил ее супруг. – Там как раз к месту будет.

– Петухом сделают, – проявила недюжинное знание жизни заключенных Наташа. – Там рыжих любят.

– И волосатых, – поддержал папенька, всегда завидующий моим волосам.

– Смотрите, чтобы самим там не оказаться, – ответил я.

– МилАй, этот дебилоид нам угрожает!

– Я не угрожаю, просто напоминаю, что от тюрьмы и сумы зарекаться нельзя.

– Тебя забыли спросить!

Обещание Наташа максимально постаралась сдержать. Например, так как я тогда перманентно ходил босиком из-за отсутствия обуви, то чтобы приучить меня постоянно мыть ноги перед заходом в дом, «наша благодетельница» Наташа щедро посыпала толченное стекло на пол веранды. Пару раз я ноги порезал, и пришлось в лаптях ходить, так как ботинки у нас с юрким отченашером были одни на двоих, и он постоянно в них ходил. Хорошо хоть что щедрый дед Феогнид мне лапти собственноручного плетения «безвозмездно, то есть даром», подогнал.

В зимнюю пору добрая бабушка Дуня валенками своего изготовления выручала, передавая через заезжавшего к ней папашу.

– Вить, свежи детям валенки.

– Да зачем им валенки? Они у нас закаленные! СтаршОй вообще может босиком по снегу ходить! – отмахивался беспечный папаша.

– Да, Вить, правильно Валька говорила, что у тебя за детей душа не болит.

– Не лезьте в мою жизнь! Мы счастливы с Наташей! А дети уже взрослые, им пора уходить из семьи.

– Куда же они пойдут?

– А я откуда знаю? Пускай сами думают, не век же на моей шее сидеть.

– Вить, тебя никто из семьи не гнал!
– А я сам себе жилье нашел.
– Тебе жилье на работе давали.
– Так пускай устраиваются на работу и получают жилье. Я что, против? Главное, чтобы мне жить не мешали. Я их вырастил, воспитал – пора и честь знать.

В школе учителя крайне не любили наши с Пашкой валенки из-за того, что подшитая к ним резина оставляла жирные черные полосы на светлом линолеуме.

– Костромин, носи сменную обувь! Техничка замучилась уже следы от твоих валенок оттирать, – говорила классная руководительница.

– А где я ее возьму? И следы не от валенок, а от галош.

– Не умничай, а то сам будешь пол мыть. У тебя разве нет сменной обуви?

– Нет.

– Не ври! Я позвоню отцу и спрошу.

– Звоните.

– Вот прямо при тебе и позвоню, чтобы не обманывал впредь. Пошли в учительскую.

Мы спустились на первый этаж, и зашли в учительскую.

– Какой у отца рабочий номер?

Я назвал номер, она набрала.

– Здравствуйте. Виктор Владимирович? Это вас беспокоит классный руководитель вашего сына, Наталья Ивановна.

– И что? – донесся из трубки грозный рык папаши. – Что этот урод натворил в этот раз? Школу поджег?

– Нет, ничего особо не натворил, просто не носит сменную обувь.

– Какую еще сменную обувь?

– Понимаете, он ходит в школу в валенках...

– Не босиком же ему ходить?

– Нет, не босиком, но от валенок на линолеуме остаются черные полосы.

– А я тут при чем?

– Повлияйте на ребенка, чтобы носил сменную обувь.

– Какую еще сменную обувь? Где он возьмет сменную обувь?

– У него нет сменной обуви? – не поверила Наталья Ивановна.

– А вы ему купили ее? – донесся из трубки полный неприкрытого ехидства голос папаши.

– Я-то тут при чем?

– Вот и я не при чем! У вас еще что-то есть ко мне? А то мне пора совещание проводить.

Работа не ждет.

– Нет.

– Ну, спасибо, что позвонили. Если что, то всегда можете мною располагать. Навозу там или еще чего. Звоните, не стесняйтесь, – положил трубку.

– Я же вам говорил, – прервал я повисшую в учительской тишину.

– Дикость какая-то! У детей директора не самого бедного в районе совхоза нет обуви сменной! Кому скажи – не поверят.

– Так я пойду?

– Иди. Ходи в валенках. Я директору и завучу сама скажу, что разрешила.

Зато Настя щеголяла в школе невиданными нарядами и блестела бижутерией как новогодняя елка в Кремле.

После того, как я, будучи еще довольно наивным юношей, великодушно обучил матушку Наташу доить коров, она заявила:

– Четыре коровы это многовато для нашей скромной семьи. Витя, милАй, надо что-то делать!

– А что делать, милая? – недоуменно почесал блестящую от пота лысину папа Витя. – Что тут сделаешь?

– Витя, я подумаю и все тебе скажу, что делать, – внушительно заявила Наташа.

– Надо уменьшать! – как отрезала она на следующее утро.

– Что уменьшать?

– Коров поголовье уменьшать. Что тут непонятного? Ты как тот есаул, который бросил в коня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.